

— Не думала, что мы вот так соберемся... — насмешливо улыбнулась Чисаки, оглядев кабинет ученического совета.

Во главе стола сидел Тойя, президент совета, справа — Мария, Алиса и Масачика, а слева — Чисаки, Юки и Аяно. Все члены совета этого года собрались в одной комнате. Они не делали ничего связанного с деятельностью совета. Утром они получили результаты тестов, и теперь каждый из них ждал начала встречи родителей с учителем.

Встречи проводились в классных комнатах каждые тридцать минут. В зависимости от количества учеников, встреча могла начаться сразу после обеденного перерыва или во второй половине дня. Многие ученики в ожидании своей очереди коротали время либо в клубных комнатах, либо в библиотеке. Несмотря на то что они это не согласовывали, все члены ученического совета собрались в одном кабинете.

— Если задуматься, в этом году у членов ученического совета очень похожие фамилии... Кимишима, Куджо, Кудзе, Кендзаки, Сарашина и Суо... Все члены с «ки» и «су» собрались.

— Верно, крутое совпадение, — ответила Юки на слова Тойи, который, как и Чисаки, насмешливо улыбался.

— Но... встреча Аяно проходила вчера...

Услышав это, Чисаки моргнула и посмотрела на Аяно, сидевшую рядом:

— Да? Тогда она может идти домой.

— Я уже говорила ей, но, так как это Аяно...

— Там, где госпожа Юки, там и я, — со слабой улыбкой ответила Аяно так, словно это естественно.

Юки пожала плечами, как бы подразумевая: «Вот что случилось».

Пока все неловко улыбались, Мария хлопнула в ладоши и заговорила:

— Раз все собрались, может, выпьем чаю?

— Да, пожалуйста, — радостно сказала Чисаки.

Мария, увидев улыбку Чисаки, повернулась и, не глядя на Аяно, сказала:

— А, Аяно, можешь не вставать.

— ?!.

Собиравшаяся встать Аяно застыла от удивления. Она шокированно посмотрела на Марию, словно спрашивала: «Ч-что?!».

Юки, сидевшая рядом с Аяно, потянула ее за руку, чтобы та не встала:

— Давай ты прислушаешься к словам Маши-семпая.

— Хорошо, госпожа Юки. Я поняла.

Убедившись, что Аяно не встала, Мария направилась к шкафу со стаканами.

— Кудзе-кун, что-то не так? — спросила, наклонив голову набок, Алиса Масачику, смотревшего в спину Марии.

— ...Да нет, ничего. — Он потряс головой и посмотрел вперед, после чего вспомнил вопрос, который хотел задать Тойе. — Кстати, президент, я вчера как раз обсуждал это с Алей. Как продвигается вопрос об изменении летней формы? Возможно ли, что ее изменят к следующему году?

Масачика спрашивал как бы невзначай, но реакция Тойи превзошла все ожидания: он улыбнулся так, словно был рад этому вопросу.

— О, насчет этого... Скажу по секрету: вероятно, новая форма будет готова после летних каникул.

— Серьезно?!

— Да, я планирую объявить об этом на церемонии закрытия. Считаю, этот вопрос решен.

— Вау! Отличная новость! Нынешняя форма мне нравится, но в ней так жарко, — захлопала и улынулась от радости Юки.

Однако Тойя опустил брови, словно извинялся:

— Но предстоит еще много работы. Мне может понадобится помощь каждого из вас во время каникул.

— Ничего страшного. Председатель уже позаботился о самом главном, так что мы поможем всем, чем сможем.

— Спасибо. Но это все благодаря Чисаки.

После этого признания внимание каждого переключилось на Чисаки, но она лишь посмотрела на Тойю с ухмылкой на лице:

— Неправда. Все получилось благодаря упорным уговорам Тойи.

— Просто Чисаки всегда мне помогает. Я очень рад, что ты мой партнер.

— Тойя...

— Чисаки...

— Эти двое живут в своем мирке, сказал Масачика, взглянув на двух влюбленных, смотревших с нежностью друг на друга, а затем повернулся к Юки и пожал плечами, как бы говоря: «Ну началось...».

Юки отвернулась и страстно посмотрела на Аяно:

— Аяно...

— Юки...

— Да что здесь происходит? — Масачика зажмурился из-за возникшей юри-атмосферы, но, когда Юки подала сигнал взглядом, он решил поддаться атмосфере.

Почесав голову и несколько раз вздохнув, чтобы успокоиться, он сделал самый милый вид, который только мог, и повернулся к Алисе:

— Аля...

— Что? Я не буду этого делать. Какой же ты тупица!

Его сразу же отвергли. Не выдержав такого ментального удара, Масачика со стоном рухнул на стол.

Затем Юки с насмешливой улыбкой повернулась к Алисе:

— Ой, кажется, связь между этой парочкой не очень-то и крепкая, хах.

— Э...

— Взаимодействие между парой — важнейшая часть во время избирательной кампании. Сможете ли вы нас победить? Верно, Аяно? — сказала Юки, таинственно улыбаясь и водя пальцем по щеке своей партнерши.

Видимо, Аяно наслаждалась этим: один ее глаз был закрыт, а тело трепетало. За их спинами словно зацвели лилии, и Масачика восторженно вскрикнул.

— Кудзе-кун...

— Тебя так легко спровоцировать, хах.

Масачика с удивлением посмотрел в ответ на Алису: в ее глазах виднелась решимость, но в них не было и намека на нежность. Однако она не отвернулась, и в конце концов они уставились друг на друга.

Рассматривая лицо Алисы вблизи, Масачика не мог оторвать взгляд.

Когда я смотрю на нее вот так, складывается ощущение, будто она и вовсе не человек. Не верю, что мы принадлежим к одной расе... В смысле... у нее такие длинные ресницы! Я словно тоню в ее глазах. А кожа невероятно гладкая. Вот как выглядит кожа без единого изъяна. Я даже сомневаюсь, что у нее есть кожные поры. Она точно не красится? Хм... почему она покраснела? Ох... Она что, приближается?

Ощущая небольшой дискомфорт в своем слегка парализованном мозгу, Масачика услышал голос Марии и быстро пришел в себя.

— Извините за ожидание. Ой, а что тут происходит? В гляделки играете?

Увидев, как Мария наклонила голову в недоумении, Алиса резко отвернулась. Масачика же моргнул и повернулся к Марии. Она, увидев, что он на нее смотрит, застыла на секунду и тут же начала подавать чай с видом, будто ничего не произошло.

— Сладкого к чаю нет, так что сегодня без них.

— А? Seriously?

— Да, скоро ведь лето.

— И правда. Нельзя оставлять их тут на все лето. Но ничего, чай Маши настолько хорош, что его более чем достаточно.

— Хи-хи, спасибо! — Улыбнувшись словам Чисаки, Мария налила чай Алисе и Масачике. — Вот, прошу.

— Спасибо.

— Большое спасибо!

Масачике казалось, что Мария избегает его взгляда, и он убедился в этом, увидев, как она разливает чай Юки и Аяно.

Как и думал, она меня избегает. Неужели из-за того раза с гипнозом?

После случившегося на прошлой неделе Масачика сразу же извинился перед Алисой и был прощен. Она хотела многое сказать, но не стала, ведь вина за произошедшее лежала на ее сестре. Алиса просто сказала ему забыть увиденное, но разве это возможно?

Марию же он увидел впервые после того случая, и, видимо, она все еще была обеспокоена этим.

Что ж, надо еще раз извиниться.

Масачике было некомфортно: он не мог уйти на летние каникулы, проигнорировав эту проблему. Он решил дождаться подходящего момента, чтобы поговорить с Марией.

Пока Масачика размышлял, Тойя, увидев, что Мария села, начал разговор:

— А, кстати, какие у вас планы на лето? Если не возражаете, я хотел бы организовать учебный лагерь, чтобы укрепить связь между членами ученического совета.

— Учебный лагерь? — Масачика впервые слышал об этом.

Поняв, что первогодки не понимают, о чем идет речь, Тойя со смешком добавил:

— Хотя я и назвал это учебным лагерем, это скорее экскурсия. Как я и сказал ранее, мне может понадобиться ваша помощь на каникулах. Эту поездку можно считать утешительной наградой.

— Звучит круто!

— Хм... мне тоже кажется это крутой идеей.

После того как Чисаки и Мария выказали интерес, первогодки тоже ответили с позитивом.

— Верно, думаю, я смогу найти время в своем графике, если заранее определимся с датой. Хи-хи-хи, никогда не была в учебном лагере с членами ученического совета. Жду с нетерпением!

— Хм-м-м, если госпожа Юки согласна, то и я.

— Тогда я тоже.

— Что ж, у меня нет никаких планов. Я тоже согласен. Максимум на три дня и две ночи, да? А куда поедем?

— Мы обязательно обсудим дату, ведь всем нужно подстроиться, а что касается места... Что насчет виллы моей семьи?

— Что? Вилла?

Услышав неожиданное для себя слово, все члены совета заморгали, и Тойя слегка ухмыльнулся:

— Да, вилла на берегу моря, с частным пляжем, а еще неподалеку каждый год проводится фестиваль.

— Что-о-о-о?! Семья председателя настолько богата? Извиняюсь, если мои слова прозвучали грубо, но президент не производит такого впечатления.

— Ох, мои родители не какие-то исполнительные директора, но, кажется, мой дедушка очень успешный инвестор. И у моей семьи довольно много имущества.

— Аха-ха-ха, вот как.

— Что ж, это только один вариант. Если кто-то хочет в другое место, я не возражаю, — сказал Тойя и оглядел всех.

Чисаки, подумав некоторое время, открыла рот:

— Хоть это и не вилла... моей семье принадлежит одна гора. Если кто-то хочет в горы, то, думаю, я могу помочь, хах.

— Семье Сарашины-семпай принадлежит целая гора?! Невероятно!

Как и ожидалось, ученики этой школы совсем на другом уровне!

Но из-за следующих слов Чисаки Масачика одеревенел.

— Ну, здание само по себе напоминает виллу... Или скорее тренировочный лагерь? Или додзе? Хотя пляжа там нет, но поблизости есть кладбище. Можно будет устроить испытание на храбрость. И там тоже ежегодно проводится фестиваль. Правда, по боевым искусствам.

— Как небо и земля: нет пляжа, но есть кладбище. Хм... погодите-ка, только не говорите, что на том кладбище хоронят тех, кто погиб на фестивале по боевым искусствам.

— Аха-ха-ха, что-то типа того.

— Реально?

— Возможно, некоторые погибли на фестивале, но большинство — во время практики.

— Президент! Я предпочту вашу виллу!

— Я бы тоже хотела скорее на море!

— Если госпожа Юки так желает, то я не возражаю.

Масачика поднял руку, и с ним согласились Юки и Аяно. Алиса и Мария смотрели на Тойю без возражений.

Усмехнувшись, Тойя кивнул и сказал:

— Что ж, хотя я также заинтересован в предложении Чисаки... но додзе не очень подходит для деятельности ученического совета. Давайте в следующий раз.

— Да? Ну ладно. Когда поедет? Я имею в виду только мы вдвоем.

— А? — Тойя застыл, услышав слова смутившейся Чисаки, но, когда девушка застенчиво посмотрела на него, он выдавил из себя улыбку. — Ах... точно... Если хочешь, то можем поехать...

— Юху! Я познакомлю тебя со своим наставником!

— С наставником?..

Когда прозвучали эти невинные слова, в мозгу Тойи выстроилась следующая цепочка:
[знакомство с наставником] → [наставник оценит парня, осмелившегося встречаться с его любимой ученицей] → [смерть].

Взгляд Тойи стал отрешенным, когда он представил, что его ждет.

Чисаки, видимо, не заметила этого и продолжила:

— Точно! Раз мы туда поедem, то почему бы не принять участия в фестивале боевых искусств?

— А?..

[Принять участие в фестивале боевых искусств] → [смерть].

Свет померк в глазах Тойи, но предзнаменования приближающейся смерти продолжились.

— Не волнуйся! Любители участвуют отдельно! Более того... я так хочу увидеть твою крутую сторону.

— Ох...

В конце концов Тойя не устоял перед милым выражением лица Чисаки:

— Не беспокойся, я сделаю все, что в моих силах!

— Правда?! Я так рада! Уа-а-а-а!.. Жду не дождусь!

— Ха-ха... ха... — сухо рассмеялся он и с трудом кивнул.

Масачика сложил руки в восхищении и сказал:

— Настоящий мужчина...

Он решил запечатлеть образ Тойи, ведь неизвестно, вернется ли президент после летних каникул.

После этого болтовня продолжилась. Попивая чай, все обсуждали дела совета, школу и летние

каникулы.

Спустя примерно тридцать минут Тойя вдруг достал телефон, проверил его и встал:

— Хм... время так быстро пролетело.

— Ах, пока.

— Сделай все, что в твоих силах... Эм... Как-то странно прозвучало, хах.

Улыбнувшись словам поддержки Чисаки, Тойя вышел из комнаты.

Вскоре встала Мария:

— Так, скоро будет моя очередь. Пойду помою посуду.

— А, давай я помогу.

Сейчас!

Масачика тут же встал, схватил чашки Аяно, сидевшей напротив, и Алисы, которая сидела рядом, подал знак взглядом Юки и Аяно и начал складывать блюда у себя в руке.

Мария, с подносом в руках, отвела взгляд на секунду и улыбнулась:

— Спасибо.

Масачика положил блюда на поднос и взял его, затем они вместе покинули кабинет ученического совета.

В кабинете совета были чайник и маленький холодильник, но отсутствовала раковина. Чтобы помыть посуду, приходилось идти в другой кабинет. Обычно они шли в кабинет клуба кулинарии, а иногда — в кабинет химии.

Пользоваться раковиной в кабинете химии было менее гигиенично, так что это было крайней мерой. К счастью, кабинет клуба кулинарии пустовал в этот день, и они направились туда.

Пока они, стоя плечом к плечу, мыли посуду, Масачика украдкой поглядывал на Марию. На первый взгляд она вела себя как обычно, но, если приглядеться, можно было заметить, что она чувствовала себя неловко.

Вот как все обстоит...

Масачика вздохнул про себя. Когда он собирался отвести взгляд, их руки случайно соприкоснулись.

— !!! — Мария резко отдернула руку, словно по ней ударили; тарелка в ее руках лязгнула.

— Ой, извини.

— А? Все в порядке. Это я должна извиняться... Наверное, это статическое электричество было.

Не думаю, что такое возможно при мытье посуды в летний день...

Масачика не стал спорить и кивнул:

— Возможно.

Когда он снова посмотрел на Марию, то заметил, что ее уши покраснели, а на лице была натянутая улыбка, которой, казалось, она пыталась что-то скрыть.

— Маша-сан...

— М? Что?

— ...Эта кружка... Разве я ее не мыл уже?

— А? Правда?

Мария посмотрела на чашку в своих руках.

«Взглянув, ты не поймешь, вымыта она или нет», — сязвил про себя Масачика.

Он наклонил голову набок и задумался, было ли это естественной реакцией или из-за нервов.

Когда они закончили мыть посуду и начали вытирать руки, Масачика решил заговорить:

— Эм, Маша-сан.

— Да?

— Эм-м... прости меня за тот случай с гипнозом...

— А... эм... все в порядке. В конце концов, это я все затеяла...

Он склонил голову, отчего Мария, казалось, запаниковала и сказала ему остановиться.

Однако, когда их взгляды встретились, ее щеки покраснели, и она отвела взгляд.

— А... у меня не было возможности спросить тогда... Что я делала, когда была под гипнозом? — спросила Мария и застенчиво посмотрела на лицо Масачики.

Его удивило такое поведение, ведь обычно она казалась зрелой. Он сглотнул и задумался.

Он чуть не сгорел от стыда, вспоминая то событие, но взял себя в руки и честно ответил:

— Эм... ты обняла нас с Алей... и начала гладить по голове...

Он стиснул зубы от смущения.

Мария медленно моргнула и с облегчением спросила:

— ...И все?

— Ну да.

Но Масачика умолчал о том, что его лицо было наполовину погружено в ее пышную грудь, но это можно назвать частью объятий. Если говорить честно, он трогал ее бедра через юбку... Более того, он почувствовал, как его пальцы коснулись еще более деликатных мест, но это то, что сделал он, а не она. Так что он решил не рассказывать об этом всем.

Мужество? В его словаре нет такого слова.

— Понятно... Слава богу.

Мария с облегчением положила руку на грудь, не догадываясь, о чем он думал.

При виде ее невинного выражения лица его чувство вины усилилось.

— Эм, все в порядке?

— Да, если я сделала только это, то ничего страшного. А!..

Казалось, Мария что-то вспомнила и быстро обхватила себя, словно защищалась от чего-то.

— Эм... ты... видел?

— А? О чем ты?

Неизбежно взгляд Масачика упал на ее злое выражение лица и обвиняющий взгляд. Если ответить на заданный вопрос, то да, он видел. Конечно, он сразу же отвернулся, когда Мария начала раздеваться, но то, что сделала тогда Чисаки, было настолько шокирующим, что он не мог отвести взгляда от каждого ее действия, и все предстало перед ним как на ладони.

Ее фигура, расстегнутая юбка и распахнутая блузка — все это вкупе выглядело крайне сексуально. Он хорошо запомнил лишь Алису, так как она стояла к нему ближе, но он успел увидеть и белоснежную кожу Марии.

Он начал размышлять о том, как ответить. Если он соврет, то она сразу же это поймет. Ее губы начали подрагивать от гнева, и она хмуро посмотрела на него:

— Никакого этти, Кудзе-кун!

— Ой, да... Мне правда жаль. Я не специально смотрел.

Он покорно склонил голову.

Масачику удивило то, что Мария разозлилась, совсем как обычная девушка. Он ожидал, что она нежно улыбнется и простит его со словами: «Всего лишь-то. Ничего страшного». Но в то же время он испытывал какое-то аморальное удовольствие от того, что смог разгневать школьную Мадонну*.

[П/Р: иначе говоря Мать Иисуса Христа.]

— Ку-дзе-ку-ун!

— Э-э... а... да?

— У-у-у... Ты точно сожалеешь о содеянном?

— Точно.

Мария смотрела на Масачику с приподнятыми бровями, но ее маленькое личико совсем не пугало, наоборот...

Огромное тебе спасибо за то, что ты показала мне такое редкое выражение лица. Так мило! Маша-сан, которая обычно ведет себя как старшая сестра, сейчас напоминает обычную старшеклассницу. Это лучшее гап моз* на свете! А если она поднимет указательный палец вверх и пригрозит со словами: «Нельзя-нельзя!», то я паду ниц и закричу: «Премного благодарен!».

[П/П: Гап моз (gar мое) — так говорят, когда персонаж делает что-то не свойственное для него, что может показаться читателю милым.]

— У-у-у! Ты совсем не раскаиваешься!

Пока Масачика думал о всяких глупостях, Мария надулась, протянула руки и схватила его за щеки, после чего начала тянуть за них в разные стороны.

— Что ты делаешь?

— Наказываю!

Нахмурившись, Мария пристально смотрела на Масачику и продолжала тянуть его за щеки в разных направлениях. Но ему не было больно. По сравнению со шлепками Алисы подобное наказание в каком-то смысле умиротворяло. Это скорее являлось наградой.

Видимо удовлетворившись, она перестала дергать Масачику за щеки, но не убрала рук от его лица.

Посмотрев ему в лицо, она с серьезным выражением лица сказала:

— Слушай внимательно. Впредь постарайся не делать ничего, что бы смущало девушек, понял? Если на тебя кто-то злится, то ты должен задуматься.

Несмотря на тон, которым она говорила, Масачике казалось, что она на самом деле не злилась. Более того, со стороны они выглядели так, будто вот-вот поцелуются. Лицо девушки в такой близости слишком будоражило воображение здорового подростка, но Мария, видимо, этого не осознавала.

«Если скажу нет, она продолжит отчитывать меня в такой позе?» — такая мысль взбрела Масачике в голову.

Однако он боялся, что обидит своего милого семпая, если зайдет слишком далеко, поэтому честно ответил:

— ...Да, понял.

— Хм, хорошо.

Кивнув, Мария убрала руки от его лица и легонько похлопала парня по голове, словно говорила: «Слава богу, что ты понял», а затем повернулась к раковине.

Как только она начала вытирать вымытую посуду, раздался приглушенный жужжащий звук из ее кармана.

— Ой... кажется, моя мама пришла.

— А, тогда поспеши к ней, я тут сам все закончу.

— Мм... Прости, ладно? Тогда оставляю это на тебя.

— Ага, пока.

Масачика с сожалением смотрел в спину Марии, уходящей из кабинета клуба кулинарии, и начал вытирать посуду.

Закончив, он положил тарелки на поднос и вернулся в кабинет ученического совета.

Оставшиеся пять человек общались друг с другом еще тридцать минут, и Чисаки вышла из кабинета ученического совета, чтобы встретить свою маму. Так получилось, что встреча Марии окончилась тогда же, когда должна была начаться встреча Алисы.

Алиса встала, как только ушла Чисаки:

— Тогда я пойду первой.

— Да, пока.

— Пока.

— Будь внимательна по дороге.

Они втроем смотрели на то, как Алиса выходила из кабинета ученического совета.

Юки вышла из режима юной воспитанной леди, взглянула на Масачику и сказала тихим шаловливым голосом:

— Вот мы и остались с тобой наедине.

— Кажется, пришло время выйти встретить дедушку.

— Подожди! Почему ты не обращаешь на меня внимания?!

— А почему ты не обращаешь внимания на Аяно?!

Она бросилась на стол и крепко обхватила его руку, и он с отвращением посмотрел на Юки. Ее поведение совсем не соответствовало образу прилежного ученика.

— Что за взгляд? Из-за накопившихся дел мы давно не проводили время как брат и сестра!

— А... если задуматься, то ты права.

Масачика вспомнил, что они уже десять дней не были наедине, чего обычно не происходило.

— Братик проводит все свое время с Алей-сан, поэтому его это совсем не беспокоит, да?

— Нет... это не так...

Юки насмешливо посмотрела на него, и он неловко отвел взгляд. Затем она отвернулась, закрыла лицо руками и начала притворно плакать:

— Хнык-хнык, мне так одиноко.

— Понял-понял. Тебе одиноко, так? Я понял. Прошу, слезь со стола, — сказал Масачика.

Пока Юки слезала, черные волосы, что до этого были распластаны по столу, развевались за ее спиной, словно крылья.

Плюхнувшись на стол, она скрестила ноги и высокомерно задрала подбородок:

— Давай, балуй меня.

— Что за внезапная перемена? — удивился Масачика кардинальным изменениям в ее настроении, но она, казалось, не обратила на это внимания и драматично приподняла брови.

— Что такое? Поспеши.

Ему оставалось только выполнить требования жестокого босса. Он чувствовал себя обычным сотрудником, которого заставляют публично приносить извинения.

Он положил руки на стол, поджал губы и спросил голосом, наполненным смущения и отчаяния:

— Прямо здесь?..

— Да, прямо здесь и сейчас, побалуй меня, Масачика-кун.

— Но здесь!..

— Что такое? Не можешь?

— !..

У него задрожали руки, он развернулся и издал низкий звук, наполненный грустью:

— Я... понял...

Сидя на стуле, Масачика медленно поднял взгляд, похлопал по соседнему стулу и, попытавшись сделать самое милое выражение лица, на которое только был способен, сказал:

— Ну же, иди сюда.

— Пф-ф-ф!

— Ладно, давай прекратим это.

— Ах, шучу-шучу. Старший братик очень круто выглядит.

Как только Масачика поднялся со стула, Юки бросилась к нему словно избалованный ребенок

и села рядом. Впервые за долгое время она могла провести время с братом. Он с нежной улыбкой гладил свою сестру. Аяно уже давно испарилась.

Спустя пятнадцать минут зазвонил телефон Масачики, объявляя тем самым о прибытии его дедушки.

— О, кажется, старик пришел.

— Ладно, пока.

— Ага, я пойду первым... Кстати, а куда делась Аяно?

Масачика оглядел кабинет в поисках бесследно исчезнувшей подруги детства, однако так и не нашел ее.

— А? Может, из-за своей чувствительности к атмосфере она вышла и стоит за дверью?

— Ты... нет, думаю, мне лучше промолчать, ведь я сам не заметил... — потряс он головой и аккуратно открыл дверь.

Как Юки и сказала, Аяно ждала снаружи. Она словно охраняла вход в кабинет ученического совета, нет, она и вправду это делала, ведь хотела защитить тайну о настоящем характере своей госпожи.

— Не знаю за что, но прости меня.

— О чем вы?

Масачика сожалел, ведь забыл о ее существовании, хотя сам в этом упрекал Юки. Однако Аяно, видимо, не понимала этого: она наклонила голову набок и с безэмоциональным лицом посмотрела на него.

Он потрепал ее по голове в знак благодарности и извинений, и она закрыла глаза, словно ей было приятно.

— Ну, я пойду.

— Пока.

— Будьте осторожны, господин Масачика.

Он в замешательстве попрощался с ними, взял сумку и направился к главным воротам, где его ждал дедушка. Переобувшись у шкафчика с обувью, он вышел из здания школы. Внезапно ему захотелось развернуться и пойти обратно, но не успел: его окликнул тот, кого он не мог проигнорировать.

— О, Масачика, ты пришел!

— Старик...

К нему радостно обратился бритый налысо мужчина пожилого возраста. Это был его дедушка по отцовской линии, Кудзе Томохиса. В отличие от дедушки по материнской линии, Суо Генсея, Томохиса хорошо ладил со своим внуком. Он пришел как опекун на встречу с учителем вместо отца Масачики, который был занят на работе.

Увидев своего внука, Томохиса выпрямился, снял шляпу и счастливо улыбнулся. Он казался добродушным... но проблема заключалась в его одежде.

— Почему ты в белом костюме?!

— А что? Разве я не круто выгляжу?

— Так одеваются только нарциссы и мафиозники!

— Может, дело в том, что я не надел это...

Видимо не поняв, о чем кричал его внук, Томохиса надел шляпу, засунул руку в карман, из которого достал солнечные очки, и надел их.

— Ну? Стало круче?

— Ты только больше стал походить на мафиозника! Старик, ты похож на мафиозника, который отошел от дел! Если ты еще и пальто или шарф наденешь!..

— Шарф? У меня есть он.

— Откуда?

На этот раз Томохиса достал из другого кармана сложенную белую ткань. Масачика тут же остановил его и затащил в школу, пока ситуация не стала хуже.

— Боже! Почему ты так вырядился?

— Я думал, буду модно выглядеть...

— Ты увидел это в каком-то фильме? Иначе откуда у тебя такая одежда.

— Я потратил пенсию на нее. И все ради этого дня.

— Бабушка будет злиться из-за этого, ты ведь знаешь.

Масачика шел к зданию школы, сыпля колкостями. Откровенно говоря, ему не хотелось, чтобы их видели вместе.

После того как Масачика переобулся, а его дедушка надел тапочки для посетителей, они направились в кабинет.

— Масачика, кажется, еще есть время. Я хочу посмотреть школу...

— Отказано.

— Почему? Ты стыдишься меня?

— Да.

— Эх, тогда я один погуляю.

— У меня предчувствие, что тебя сочтут подозрительным. Лучше не надо, прошу, — попытался переубедить своего дедушку Масачика и усадил того на стул, стоявший недалеко от класса, в который они шли.

Томохиса, несмотря на свой возраст в семьдесят один год, был полон энтузиазма. И тут разговор зашел об отце Масачики.

— Эх... Кётаро сильно занят?

— Я слышал, отец с этого года будет работать в посольстве Великобритании... так что, думаю, да, очень занят.

Отец Масачики, Кудзе Кётаро, был дипломатом и прежде работал в Министерстве Иностранных Дел, но в этом году он уехал за рубеж с дипломатической миссией.

Его отец мало проводил времени дома, а теперь стал еще меньше, поэтому на встречу

родителей с учителем Масачике пришлось позвать своего дедушку.

Услышав ответ внука, Томохиса приподнял брови:

— Понятно. Но ведь можно было найти время для встречи.

— Исключено. Только чтобы добраться сюда, уйдет полдня.

— Серьезно? Ты такой хороший сын.

— Прекрати.

Масачика смущенно остановил руку дедушки, когда тот попытался погладить его по голове. Наконец-то между ними возникла та самая привычная атмосфера, которая обычно бывает между дедушкой и внуком, однако... она быстро улетучилась, когда открылась дверь в кабинет.

— Прошу прощения.

— Большое спасибо, учитель.

Из кабинета выходили Алиса и женщина, которая, видимо, была ее матерью. Глаза Томохисы широко раскрылись, когда он увидел их.

Черт возьми! Столько всего произошло, что я совсем забыл ему рассказать!

Масачика сожалел, что ничего не сказал своему дедушке об этом раньше, но уже было слишком поздно что-либо делать.

— А, Кудзе...

— Чудеса Восточной Европы!

— Боже, старик, прошу, остановись.

Томохиса встал и раскинул руки так, словно благодарил Бога, и Масачика отчаянно пытался посадить его обратно, после чего начал в спешке извиняться перед Алисой, которая в удивлении попятилась:

— Аля... Извини за это. Это мой дедушка, но он слишком сильно восхищается Россией.

— А, понятно...

— Молодая леди, как вас зовут?

— Господи, прошу, прекрати.

Томохиса с обольстительным выражением лица попытался подойти к Алисе, но Масачика держал его.

— Мне жаль, очень жаль за то, что вам приходится терпеть такое.

— К-какой жизнерадостный... дедушка...

Слова Алисы потрясли Масачику. Он схватил своего дедушку за воротник и жестом указал тем двоим уходить, пока его дедушка снова не показал себя с плохой стороны.

Однако женщина, видимо являвшаяся матерью Алисы, вышла вперед и обратилась к Масачике:

— Эм, прошу прощения, ты ведь Кудзе-кун?

— А, да, приятно познакомиться. Меня зовут Кудзе Масачика. Вы мама Алисы-сан?

Масачика сразу же отпустил своего дедушку и поприветствовал женщину так, как его учили с детства.

Глаза Алисы расширились от удивления, а женщина прикрыла рот рукой, словно впечатлилась тем, как спокойно он ответил.

— Ой! Какой ты вежливый... Приятно познакомиться. Я мама Алисы, Куджо Акеми. Я многое о тебе слышала от дочери.

— А, ну... ха-ха, надеюсь, ничего плохого.

— Хи-хи-хи, она выглядела очень счастливой, когда говорила о тебе.

— Понятно.

Масачика почувствовал себя увереннее, когда услышал об этом, хотя и не знал, что именно Алиса говорила, но этого ему хватило, чтобы оценить ситуацию в целом.

Масачика снова взглянул на Акеми: темные аккуратные волнистые волосы доходили до плеч, а ее внешность была нежной и ухоженной. Очевидно, в прошлом она пользовалась популярностью. Также от нее исходила материнская и в то же время сексуальная аура, благодаря чему можно с уверенностью сказать, что Мария и Алиса — ее дочери. А лицо... имело больше сходств с лицом старшей из дочерей.

Если бы у лица Маши-семпая не было иностранных черт... то так бы оно выглядело? Лицо не ее, но исходящие от них двоих ауры схожи.

Акеми создавала впечатление заботливой матери, прямо как Мадонна. Будь она знаменитостью, то была бы одной из самых красивых среди тех, кому за тридцать.

Тем не менее взгляд женщины казался умным, из-за чего нельзя было назвать ее милой.

Чего? Она оценивает меня? Как бы то ни было, нужно следить за языком...

Весь мыслительный процесс занял не больше двух секунд. Масачика стоял с улыбкой, но насторожился. Словно уловив его настороженность, Акеми улыбнулась еще шире. Он заметил эту перемену в ее лице и усилил свою защиту. Рот женщины начал медленно раскрываться, и Масачика перешел в режим повышенной готовности.

— Кстати, что Кудзе-кун думает о социальных танцах?

[П/Р: Социальный танец предназначен для досуга, а не для спортивных соревнований.]

Совершенно неожиданный вопрос ввел Масачику в ступор; он моргнул и переспросил:

— Социальные танцы?..

— Да, — подтвердила Акеми с такой естественностью, что он смутился еще сильнее.

Социальные танцы?.. Эм, что это значит? Тут есть какой-то подвох? К чему такой вопрос? Бесполезно, ничего не понимаю. Мне ответить честно: «Думаю, это мило»? Нет, такой поверхностный ответ не годится.

— Мама, что за вопросы? Смотри, ты смутила Кудзе-куна.

— А?

— Почему ты заговорила про социальные танцы?

— Эм, потому что его плечи немного наклонены, — ответила Акеми, положив руку на щеку и посмотрев вверх по диагонали.

Оказалось, что этот вопрос ничего не значил и являлся просто вопросом. В конце концов, она мама Марии. Масачика почувствовал себя глупым из-за того, что был настороженным.

Внезапно Томохиса подошел к Алисе и схватил ее за руку крайне естественным движением:

— Юная леди, не желаете стать моей невесткой*?

— А-а?

— Эй, старик! — закричал Масачика, проигнорировав все правила приличия, из-за возмутительных слов дедушки, прозвучавших как предложение руки и сердца.

— Ну что? Не желаете стать женой моего внука?

— Серьезно, прошу, заткнись! — Масачика закрыл рот дедушки своей рукой и оттащил его от Алисы.

— Что ж, так как настала наша очередь, мы вынуждены откланяться. Прощу прощения!

— А, да.

— Хорошо, увидимся, — попрощался Масачика, насильно закончив разговор.

Когда те двое наконец ушли, Масачика отпустил своего дедушку.

— Ну? Что думаешь о том, чтобы жениться на ней?

— Я же сказал тебе заткнуться.

— Так что, желает ли Аля-чан стать женой Кудзе-куна?

— Мама, пожалуйста, потише.

Разговаривая с дедушкой, Масачика услышал происходивший на некотором расстоянии диалог матери и дочери.

«Похоже, нам обоим сейчас несладко», — проявил он внутренне сочувствие к Алисе.

Вернув самообладание и заглянув в класс... Масачика увидел своего классного руководителя, на лице которого виднелась натянутая улыбка.

Ну конечно... внутри все было слышно.

— С вашего позволения...

— Прошу прощения.

Масачика и Томохиса каким-то образом умудрились закончить встречу и покинули класс. Возможно, следующая пара из родителя и ученика опаздывали, так как за дверью никого не было. Внук с дедушкой прямиком направились к лестнице.

— Насчет той девушки по имени Алиса...

— Давай больше не будем о ней.

Масачика почувствовал облегчение после успешного окончания встречи, так что игнорировал бессвязную болтовню дедушки... что было ошибкой. Он должен был быть более осторожным, но в его голове царил хаос из-за выходок старика. В итоге, идя по коридору, они наткнулись на человека, которого Масачика встречать не хотел.

— !!!

Увидев приближавшуюся фигуру, Масачика почувствовал, как кровь отлила от головы. Другая сторона тоже заметила его: она расширила глаза на секунду и тут же отвела взгляд.

— Ох, Юми-сан, давненько не виделись.

— Да, давненько... свекор*.

[П/Р: Свекор — обращение жены к отцу мужа.]

Может, из-за развода или из-за запутанных отношений она засомневалась в том, как обратиться. Или и то, и то?

В любом случае, Томохиса, не беспокоясь ни о чем, подошел и дружелюбно заговорил с Юми:

— Я рад тебя видеть в здравии. У Юки, кажется, тоже все хорошо?

— Да, дедушка. А почему... вы так необычно одеты?

— М? Круто ведь выгляжу, разве нет?

— Хи-хи, ага.

— Ха! А Масачике почему-то не понравился костюм.

Томохиса рассмеялся, услышав комплимент внучки, а затем, взглянув по очереди на Юки и Юми, спросил:

— Хорошо ладишь с мамой?

— Да, конечно. Так ведь, мама?

— Я... да... — улыбнулась натянуто Юми в ответ на вежливую и невинную улыбку дочери.

Взгляд Масачики похолодел.

Лгунья! Если бы вы были близки, то ты бы не была так строга к Юки. Что это за мать такая, раз не может даже ответить на подобный вопрос? Почему Юки должна ее терпеть?

— !..

Стиснув зубы, Масачика отчаянно пытался подавить отвращение, что прожигало легкие. Однако одного взгляда на свою мать хватало, чтобы запертые глубоко в подсознании воспоминания всплыли в голове. Куча эмоций словно рвота выходили из желудка. Каждый раз, когда он вздыхал, чтобы успокоиться, по телу пробежали мурашки и выступал пот на горячей коже. Но, несмотря на все это, он не отводил взгляда от Юми, словно признавал свое поражение. Однако та упорно отказывалась говорить с ним и смотреть на сына, которого не видела долгое время.

Я так и знал.

Гнев, кипевший внутри и прорывавшийся наружу, тут же исчез. Было ли это разочарованием или чувством обреченности, что настигли его?.. В любом случае, к нему это не имело больше никакого отношения.

— Дедушка, нам пора. Стоять посреди дороги — это некультурно, — равнодушно сказал Масачика.

Томохиса легонько кивнул:

— А, да... Еще увидимся.

— Да, я вас навещу на следующих летних каникулах.

— Прощу прощения.

Юми на секунду открыла рот, словно пыталась что-то сказать, но в конце концов не проронила и слова. Она слегка опустила голову и начала подниматься по лестнице с Юки.

Не оглядываясь, Масачика быстро переобулся. Томохиса тоже молча надел свою обувь.

— Эх, вышли на улицу, и снова стало жарко.

Когда они вышли из здания школы, лицо Томохисы дернулось из-за яркого солнца.

Масачика потрясенно посмотрел на него:

— Это из-за того, как ты одет.

— Ну не могу же я надеть поло.

— Я бы предпочел поло.

— Тогда почему Юки сказала, что я выгляжу круто?

— Очевидно же, она не хотела тебя обидеть, — ответил Масачика с сухим смешком.

Лицо Томохисы стало недовольным, и он посмотрел в небо:

— Юки все больше и больше напоминает Юми-сан... Хотя все еще ниже ростом.

— А...

— Что? Все еще ненавидишь свою мать? — спросил с усмешкой Томохиса, увидев потрясенного внука.

Масачика промолчал.

Томохиса задумчиво потер подбородок, ожидая такую реакцию от внука.

— Как странно. Я думал, ты и Юми-сан похожи.

— Похожи? Чего? — слегка рассмеялся Масачика, словно услышал несмешную шутку.

Однако Томохиса без раздражения ответил:

— Вы похожи. Твое лицо напоминает молодого Кётаро, но характером ты похож на Юми-сан. Юки же хоть и выглядит как Юми-сан, но ее характер больше похож на характер Кётаро.

— ...

— Что ж, у вас двоих только глаза не похожи на родительские. От кого же вы их унаследовали?

— Не знаю, — пожал плечами Масачика, касаясь через веки своих глаз, единственной части, которая не была точь-в-точь как у родителей; эта черта показывала, что Юки действительно его сестра.

Масачика продолжал упрямыться, и Томохиса слегка пожал плечами и заговорил, чтобы изменить атмосферу:

— Эх... как жарко... Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь и поесть строганого льда?

— Строганный лед... Его не так-то легко найти.

— Серьезно? Если немного поискать...

— Ты, старик, в каком-то смысле все еще молод, — сказал Масачика изумленным и уставшим тоном, когда Томохиса достал телефон. — Нет, я никуда не хочу... Я просто пойду домой.

— Почему? Устал? Кстати, кажется, твое лицо немного бледное...

Масачика отошел от дедушки, взволнованно смотревшего на него, и посмотрел вперед:

— Просто солнце слишком ярко светит. Я просто хочу пойти домой и принять душ. Как можно скорее.

— Чего? Какой-то ты невеселый внук.

— Если ты оденешься нормально, то я, возможно, пойду.

Масачика посмотрел на дедушку, обмахивавшего свое лицо веером, который, бог знает откуда взялся.

На первый взгляд Масачика вел себя как обычно... но при этом выглядел как ребенок, что устал плакать.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/53459/2626746>